

Ольга Брейнингер

Deep communism time

*Часть сборника
Семнадцать о Семнадцатом
(сборник)*

100-летию Октябрьской революции посвящаем

Ольга Брейнингер

Deep communism time

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Брейнингер О.

Deep communism time / О. Брейнингер — «Эксмо»,
2017 — (100-летию Октябрьской революции посвящаем)

ISBN 978-5-699-97203-6

«Обычно, когда Троцкий просыпался, он чувствовал себя полным сил, собранным и готовым к новым делам. Но сегодня ему показалось, будто он и во сне всю ночь продолжал прокручивать вчерашнее собрание: как товарищ Сталин шла по проходу между потрепанными синими креслами из дешевого бархата и плотное васильковое сукно ее костюма сияло на фоне одних и тех же, одних и тех же стертых лиц, которые старели, пока их идеи оставались вечно молодыми. Он вспомнил изгиб ее бедра, когда она прошла мимо него, обдавая запахом будущего, и мимолетное, но сбивающее с ног, сбивчивое и задышающееся чувство того, что, может быть, не все потеряно, может быть, они всю жизнь были на верном пути, может быть...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97203-6

© Брейнингер О., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Ольга Брейнингер

Deep Communism Time¹

© Брейнингер О., 2017

06:59

Обычно, когда Троцкий просыпался, он чувствовал себя полным сил, собранным и готовым к новым делам. Но сегодня ему показалось, будто он и во сне всю ночь продолжал прокручивать вчерашнее собрание: как товарищ Сталин шла по проходу между потрепанными синими креслами из дешевого бархата и плотное васильковое сукно ее костюма сияло на фоне одних и тех же, одних и тех же стертых лиц, которые старели, пока их идеи оставались вечно молодыми. Он вспомнил изгиб ее бедра, когда она прошла мимо него, обдавая запахом будущего, и мимолетное, но сбивающее с ног, сбивчивое и задыхающееся чувство того, что, может быть, не все потеряно, может быть, они всю жизнь были на верном пути, может быть...

Товарищу Сталину было тридцать пять. У нее были ровные, блестящие белые зубы – Троцкий сразу это разглядел, когда она читала доклад, потому что сам, со своими желтыми корешками, прежде всего всегда глядел собеседнику на зубы. Он отметил породистую осанку, крупные плечи и очень сложное лицо, которое нельзя было растолковать с одного взгляда. Большие синие глаза, наивные, как у типичной Машеньки, но при этом – жесткие скулы и высокий лоб в темной рамке волос. И самое главное – четкая, как скобка в машинописи, складка у губ и взгляд – такой высокомерный, что им всем здесь сразу стало не по себе. Здесь сидели те, кто боролся за коммунизм десятки лет; присутствовали те, кто жил им сотню и больше; и вот она, наглая молодая женщина, а для них – вообще девчонка, соплюха, стояла на сцене, и от нее веяло всем тем, что они сделать не смогли. «Тогда, – подумал Троцкий, – тогда не смогли, а сейчас сможем». Ему стало интересно, как вышло так, что ей распределили имя Сталина. Скорее всего, случайно. А может, от такой же, как сейчас в зале, злобы к молодым, и комитет имен просто хотел посмотреть, как она справится с наследием Кобы. В партии, и он это знал, и ничего не мог с этим поделать, все меньше и меньше любили молодых. Хотя он и сам их недолюбливал в последнее время. Они были чужие, они были опасные, они все хотели делать иначе. И эта была одной из них. «Товарищ Сталин, надо же», – повторил про себя Троцкий. Впрочем, что девчонке не досталась память Сталина, он был уверен. Их, вместе с ним, было всего пятеро, и он знал каждого.

07:00

It is deep communism, deep communism,
deep communism time.
It is deep communism, just go for it, just go baby, be mine
Deep communism, I wanna rock'n'squeeze it
I wanna sing it all night/I am so high
Deep communism, deep communism, deep communism
Big time!

Вождь взял в руки телефон и, впервые за всю жизнь отключив будильник, не сел рывком на кровати, не ткнул ноги в теплые тапочки, не схватился жадно за новости, которые на его веку ему доставляли газетами, записками, шепотом, письмами, телеграммами, звонками в ноль семь ноль один, имейлами или сообщениями по ватсаппу. Они становились быстрее и эффективнее день ото дня, они умели найти его, где бы он ни был, они проникали в его жизнь быстрее, чем он просыпался, и сейчас на его телефоне уже горело тридцать шесть срочных строчек. Троцкий целую минуту вертел телефон и рассматривал свои руки, пытаясь понять, как это работает. Не так уж он и любил утренние новости. Потом, спохватившись, нащупал нить привычных жестов. Мысль о том, что делать со Сталиным, все еще тревожила его. Вчера он почувствовал вызов, а Троцкий был уже слишком стар, чтобы любить вызовы. Он хотел вывести коммунизм из подполья и спокойно уйти на трансмиссию. Но сначала надо было завершить дело, на которое был способен только он.

Троцкий вспомнил, ради чего он год за годом делает зарубки на спрятанном в верхнем правом ящике его стола ледорубе, и ослабевшие руки дернулись в поисках былой жесткости и прочности. Ему было чем гордиться в жизни, и даже наедине с собой он не собирался об этом забывать. Надо от нее избавиться, подумал он.

07:01

В последние годы российские газеты заставляли его хмуриться. Не то чтобы то, что происходило там, дома, каким-то образом их касалось, но вся эта кутерьма могла привлечь случайное внимание к их делу, а это было бы лишним. Троцкий так и не понял до конца, что такое глубокий интернет, но ему нравилось думать о глубоком коммунизме – запрятанном в недра людского невежества и веры в свободу, прикрытом тщательно сымитированным поражением и никогда не дремлющем. Интернет же больше вызывал опасения: ему казалось, и Шмель никак не мог его переубедить, что кто угодно может однажды наткнуться на их тайную жизнь – пусть даже случайно, как путник, заблудившийся в лесу и вышедший попутной тропинкой к скелету пустой деревни, населенной призраками. Он понимал, что такая махина – по сути, целая страна – не может существовать в безвоздушном пространстве и что они волей-неволей оставляют, как мухи следы на зеркале, свои контуры, как на рентгене, в этой неосязаемой реальности, которая для них в чем-то была и важнее, и реальнее настоящей. Но все-таки он был человеком старой закалки, и он знал, что нельзя разоблачить только то, что не существует. Троцкий любил их коммунизм и ничего на свете не боялся так, как случайной ошибки. За долгие годы работы у них было немного проколов, но каждый из них стоил дорого. Один раз его разбудил тревожный ночной звонок от Шмеля, и с тех пор Троцкий так и не научился переживать и отпускать мгновенную страшную мысль при звонке: все пропало. Эти невидимые поиски, глаза, глаза, глаза повсюду – так Троцкий жил в последний год, и в припадках страха ему все время казалось, что их видят все и что все, что они так тщательно строили, больше не работает.

Шмель продолжал говорить, что не нужно беспокоиться, но Троцкий не знал наверняка, доверяет ли Шмелю. У того было очень асимметричное лицо, и Троцкий никогда не знал, какая половина его улыбки настоящая.

07:02

Наглушая девчонка, опять подумал Троцкий, надо же, отчитываясь по своему сектору, вернула про Припять, Саудовскую Аравию и сброс цен на нефть. Упоминание «саудовского броска», величайшего момента в жизни Кобы, на секунду заставило его, как и всегда, вспыхнуть от гордости за прошлое и странного чувства, которое, как он считал, можно было расце-

нивать как счастье. Но Троцкий даже перед самим собой стеснялся быть счастливым и ненавидел это учащенное сердцебиение слабаков и мямлей. Доблесть, сострадание, гордость и удовлетворение чувством выполненного долга – вот набор благородных чувств, которые он принимал и которыми объяснял все, за что мог хвалить себя и других. Счастье в их число не входило, и Троцкий ненавидел счастливых людей. Счастье было эгоистичным, низким переживанием индивидуалистов и людей с недостаточным интеллектом, не способных на высокие чувства.

Тем не менее вспышка приятных чувств при воспоминаниях о восьмидесяти пяти чуть не отвлекла его от главного: девчонка явно зарывалась, хотя он и не мог понять, как именно она это делает. Старика в президиуме переглядывались, а Хрущев с Дауге яростно шептались и рубили друг другу воздух ладонями в лицо. Ну конечно, они вывели все и спрятали в Припяти – самое подходящее для этого место, черт побери. Они не планировали этого, они не хотели Чернобыля, они были ни при чем. Если кто-то это знал наверняка, то это был именно он, Троцкий. Так она и говорила. Но внутри него зудел червячок сомнения – ему казалось, что она все это читает, посматривая на него, как бы спрашивая: вы видите, что я вижу, где вранье? Вы видите, как я улыбаюсь прямо здесь и сейчас, когда читаю это?

Да нет же, дура, Чернобыль и правда был случайностью, покрылся потом Троцкий. Больше того, что их разоблачат, он боялся только, что люди ошибочно свяжут очевидное с очевидным и будут считать, что они на самом деле устроили Чернобыль. Да они такого даже представить не могли, краешком глаза! Захватить чужую микространу – да. Просочиться в ее структуры, «посадить» ее на свои нужды, изображать чужую жизнь – да. Так они жили уже двадцать пять лет, имитируя бывшую жизнь мелкого европейского королевства Лонтадо и продолжая под этим прикрытием работать на свое великое дело. Разыграть гамбит с Саудовской Аравией – могли. Отдать на съедение страну, которая предала их идеи, – могли. Бежать, сделать вид, что исчезли, вывести все золотовалютные запасы, наблюдать спокойно за тем, как гибнет их бывшая родина, – могли. Но Чернобыль – нет, не могли. А товарищ Сталин все как будто намекала на это. Или ему это только казалось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.